права, сколько в определении смысла социального праворегулирования и формирования правосознания не только специалистов в области юриспруденции, но и всех людей, живущих в данном обществе, формировать и развивать их правовую культуру.

1. Баренбойм П.Д. Библейский момент философии права // Философия права Пятикнижия. Сборник статей. М.: Издательство «ЛУМ», 2012. 576 с.
2. Биbihин В.В. Введение в философию права. М., ИФ РАН, 2005. 345с.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М: Мысль, 1990. 524 с.
4. Графский В.Г. Пятикнижие Моисея в истории права и правоведения // Философия права Пятикнижия. Сборник статей. М.: Издательство «ЛУМ», 2012. 576 с.
5. Дворкин Р. О правах всерьез. М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.
6. Кацапова И.А. Философия права П.И. Новгородцева. М.: ИФ РАН, 2005. 188 с.
7. Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2000. 560 с.
8. Лопухин А.П. Законодательство Моисея. Исследование о семейных, социально-экономических и государственных законах Моисея. М.: Зерцало, 2005. 328 с.
9. Мишель Ж. Смысл институтов // Поль Рикёр в Москве. М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2013. 488 с.
10. Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. Т. 1. СПб., 1889.
11. Рикёр П. Справедливое. М., ГНОЗИС-ЛОГОС, 2005. 304 с.
12. Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012. 554 с.
13. Франк С.Л. Социальная философия и философия права // С.Л. Франк. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 511 с.
14. Хайек Ф.А. Право, законодательство и свобода. М., ИРИСЭН, 2006. 644 с.
15. Харт Г.Л.А. Философия и язык права. М.: Канон РООИ «Реабилитация», 2017. 384 с.
16. Штраус Л. Естественное право и история. М., 2007. 312 с.

Ломако Л.Л., Мальцева А.В.

Народ как репрезентант конститутивной власти: постановка проблемы

*Белгородский государственный технический университет им. В.Г. Шухова
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/lj-09-2019-134

idsp: ljjournal-09-2019-134

Аннотация

Кризис политической репрезентации как основного механизма политической легитимации (и элемента механизма функционирования современного демократического государства) актуализирует проблему экспликации фундирующих принципов различных вариантов теории политической репрезентации. В статье предпринят анализ концептуальных оснований теорий политической репрезентации, релевантных для современности.

Ключевые слова: политическая репрезентация, конститутивная власть, народ, политическая власть, государство.

Abstract

The Crisis of political representation as the main mechanism of political legitimization (and an element of the mechanism of functioning of the modern democratic state) actualizes the problem of explication of the fundamental principles of different versions of the theory of political representation. The article analyzes the conceptual foundations of theories of political representation relevant to the present.

Key words: political representation, constitutive power, people, political power, state.

Т. Гоббс утверждал, что страх есть страсть, на которую всегда можно положиться [1, с.108]; именно страх есть своеобразный «эфир» современного «общества спектакля» [2; 3, с. 302]; метафора, как принцип организации знания в «картину», в нарратив [4], как «троп дистанции», предполагает механизм репрезентации, оформляющий этот эфир в определенный политический порядок. С другой стороны, механизм репрезентации является обязательным для любого государства как «формального порядка» [5], даже в том случае, если согласиться, что основной формой контроля в современном «политическом теле» является «эфир» (здесь – СМИ, интернет и т.п.), который «подрывает саму возможность связи порядка и пространства» [3, с. 322], то есть основу (по Шмитту) государства и, следовательно, смысловой центр/метафору политической философии и теории модерна. Наконец, обоснованные сомнения в современной социальной философии в еще присутствии самого репрезентанта (масса, по Бодрийяру [6], не может быть репрезентирована; множество также не нуждается в «классических» способах репрезентации [7], – политическая репрезентация, в горизонте сказанного, представляется центральной проблемой политической философии.

Классическая теория политической репрезентации (соответствующая реалиям модерна) разработана К. Шмиттом. Переход (во многом сомнительный и неопределенный) от модерна к тому, что обозначается обычно словом «постмодерн», побудил исследователей к «усовершенствованию» теории или к отказу от шмиттовского ее варианта и конструированию новой теории политической репрезентации, соответствующей «новой реальности»; наиболее убедительно такая новая теория представлена в трудах Ф.Р. Анкерсмита. Либо, от репрезентации вообще следует отказаться; теория симулякров Ж. Бодрийяра [8; 9] коррелирует с его пониманием нерепрезентируемости масс и имплозии социального. В любом случае, «нерепрезентируемый остаток» (даже если он не «остаток», но все), «голый человек», «голая жизнь», амбивалентен: и как условие возможности порядка как такового (Дж. Агамбен [10], М. Хардт – А. Негри [7]), и как «террорист».

Наконец, и это будет высказано лишь как догадка и указание на необходимость дальнейших исследований, большинство кажущихся трудноразрешимыми философских проблем, связанных с понятием репрезентации (Анкерсмит [11]: исторический опыт, неприменимость средств классической эпистемологии, неадекватность схемы «субъект-объект») имеет решение, предложенное еще в начале XX века М. Хайдеггером, и, при всех возможных сомнениях относительно такого решения, оно пока единственное – но и наиболее основательно забытое/замалчиваемое, что, нам представляется, связано прежде всего с невозможностью для современных исследователей (по известным причинам) признать за хайдеггеровской философией релевантное для политической философии значение (эти же обстоятельства препятствуют и плодотворной, мы в этом не сомневаемся, рецепции идей К. Шмитта).

Исходное утверждение, вводящее нас в теорию репрезентации К. Шмитта – это: «Без репрезентации не существует никакого государства» [13, с. 47]. Прямая демократия, при этом, полагается возможной при определенных условиях (например, как аккламация), однако в современных условиях она тоже встроена в системы репрезентации; таким образом, два принципа политической формы, тождество и репрезентация, своеобразие их сочетания и реализации обуславливают различность государственных форм; принцип репрезентации, то есть принцип формы по преимуществу, определяющий потому, что «всякий порядок – это правовой порядок, а всякое государство – это правовое государство» [5, с. 133].

Все виды политической репрезентации имеют основание в утверждении о том, что основным репрезентантом является народ (для периода современности: мы больше не будем это обговаривать специально); идеи народного суверенитета и конститутивной власти народа являются «общим местом» (несмотря на различное значение, которое связывается с этими идеями в каждом случае), причем

определяющим признаком народа в этом отношении полагается его «разумность». Здесь это означает, если воспользоваться терминологией Гегеля, что народ «для себя» способен принимать решения, и это одна из важнейших аксиом любой современной теории демократии, относительно самого себя; здесь же уместно вспомнить, что, по Канту, важнейший правовой принцип (никто не может быть судьей в собственном деле) может быть в таком случае соблюден только посредством механизма репрезентации (и, несколько забегаая вперед, не «миметической», «отождествляющей», но эстетической, «метафорической», обеспечивающей дистанцию и разрыв, по Анкерсмит, репрезентацией).

Когда политический философ употребляет слово «народ», он должен сознавать, что имеет дело с «радикальным понятием» или «мифологемой» (по Шмитту, они близки): реальность и понятие здесь достигают степени «неразличимости». Мы можем ограничиться перечислением лишь некоторых, значимых для нашей работы, признаков/определений народа. Дж. Агамбен утверждает, что, помимо названных нами выше, «любая интерпретация политического значения термина «народ» должна исходить из того уникального обстоятельства, что в современных европейских языках он, кроме прочего, всегда обозначает бедняков, обездоленных и изгнанных» [10, с. 223], таким образом, что «одним и тем же термином называются как основополагающий политический субъект, так и класс, фактически (но не юридически) исключенный из политики» [10, с. 223]. Приводя многочисленные примеры в подтверждение сказанному, Агамбен полагает, что такая «устойчивая семантическая двуплановость» свойственна Новому времени как таковому, ссылаясь при этом на Бодена: «В главе «Республики», где давалось определение демократии или *Etat populaire*, понятие раздваивается: «воплощению народа» (*peuple en corps*) как носителя суверенитета соответствует «простой люд», который разум советует устранить от политической власти» [10, с. 224]. Помимо всего прочего, для нас это означает, что репрезентируется именно народ как носитель суверенитета (и его репрезентирует суверен прежде всего), простой люд остается вне любой системы репрезентации. Это полностью соответствует утверждениям, например, Ж. Бодрийяра о нерепрезентируемости массы; имеется соответствие также и с пониманием «множества» М. Хардта – А. Негри, который постоянно описывают его в терминах, тождественных используемым для описания «простого люда». Агамбен считает, что названная «семантическая двуплановость» не случайна, но отражает двойственность, свойственную природе и функции понятия «народ» в западной политике: «Все происходит так, как если бы то, что мы именуем народом, в реальности было не единым субъектом, но диалектикой, колеблющейся между двумя противоположными полюсами: с одной стороны, множество Народа как цельное политическое тело, с другой – подмножество как пестрая фрагментарная совокупность нуждающихся и отторгнутых тел; здесь – включение, подразумевающее полноту, там – безнадежное исключение; на одном краю – тотальное государство объединенных граждан – носителей суверенитета, на другом – отвержение: двор чудес или лагерь изгнанников, нищих, угнетенных и побежденных» [10, с. 225]. Таким образом, понятие «народ» «нигде не имеет единого и лаконичного референта: как и многие другие фундаментальные политические концепты, народ – это понятие с полярными смыслами, указывающее на двойное движение и сложную взаимосвязь между двумя ее крайними значениями» [10, с. 225]. В терминах Агамбена, голая жизнь (народ) и политическое бытие (Народ) является свидетельством «фундаментального биополитического разлома» [10, с. 225], «народ не может быть включенным в то, чьей частью он уже является, и не может стать частью единства, в которое он всегда включен» [10, с. 225]; народ «всегда существует, но тем не менее должен реализовывать себя; это чистый источник любой идентичности, которому необходимо постоянно самоопределяться и очищаться через исключение, язык, кровь, территорию» [10, с. 226]; народу «по природе своей не хватает самого себя, его осуществление

совпадает поэтому с его собственным упразднением; народ есть нечто такое, что может быть, лишь отрицая себя самого собой, превращаясь в противоположность» [10, с. 226]. Или в другом месте: «Народ не есть ни целое, ни часть, ни большинство, ни меньшинство. Скорее он то, что никогда не может совпасть с самим собой, ни как целое, ни как часть, то, что бесконечно остается или сопротивляется в каждом разделении и – несмотря на желание наших правителей – никогда не позволяет себя свести к меньшинству или большинству. Этот остаток и есть фигура или консистентность, которую народ принимает в решающие моменты; и в этом качестве он является единственным реальным политическим субъектом» [15, с. 79-80]. Это – «основная», непрерывная и определяющая война внутри «народа», которая закончится только тогда, «когда Народ и народ совпадут и не будет больше никакого народа в собственном смысле слова» [10, с. 226]. Это состояние, по утверждениям многих, в остальном противоположных по взглядам, авторов достигнуто/достигается в том, что получило название постмодерна – собственно, одна из главнейших причин для пересмотра классической теории репрезентации.

1. Гоббс, Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. /Т. Гоббс/ Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1991. 731 с.
2. Дебор, Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. 183 с.
3. Хардт, М., Негри, А. Империя. М.: Практика, 2004. 440 с.
4. Анкерсмит Ф.Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом Государственного университета - Высшей школы экономики, 2014. 432 с.
5. Шмитт, К. Римский католицизм и политическая форма /К. Шмитт/ Политическая теология. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. С.99-154.
6. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург, 2000. 96 с.
7. Хардт, М., Негри, А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.
8. Бодрийяр, Ж. Сиаулякры и симуляция. М.: Изд. Дом «Постум», 2015. 240 с.
9. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака. М.: Академический проект, 2007. 335 с.
10. Агамбен, Дж. Ното сасег. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 256 с.
11. Анкерсмит, Ф.Р. История и тропология. Взлет и падение метафоры. М.: Канон +, 2009. 400 с.
12. Ясперс, К. Великие философы. М.: ИФ РАН, 2007. 236 с.
13. Шмитт, К. Учение о конституции /К. Шмитт/ Государство и политическая форма. М.: Изд. Дом. ГУ ВШЭ, 2010. С. 33-236.
14. Шмитт, К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма / К. Шмитт / Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93-170.
15. Агамбен, Дж. Оставшееся время. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 224 с.